

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ ПОЛЕВОЙ ФОРТИФИКАЦІИ.

Полевая укрѣпленія, столь часто и, притомъ, съ особеннымъ успѣхомъ употребляемыя въ древнія времена (преимущественно Римлянами) (*) и еще въ большихъ размѣрахъ въ два послѣднія столѣтія (XVII и XVIII), совершенно исчезаютъ въ періодъ революціонныхъ и вообще наполеоновскихъ войнъ.

Если воюющія стороны и прибѣгаютъ иногда къ нимъ, для усиленія позицій, такъ это лишь только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ и, притомъ, при обстоятельствахъ совершенно особеннаго рода (Кальдіеро, Бородино, Бауценъ, укрѣпленія, построенныя Французами на островѣ Лобау и у Дрездена).

Чѣмъ же объяснить это равнодушіе къ полевымъ укрѣпленіямъ въ новѣйшее время?

Ближе всего, казалось бы, бесполезностью ихъ. Но это будетъ несправедливо, потому что полевое укрѣпленіе, какъ и

(*) И, дѣйствительно, стоитъ только припомнить: 1) что дало возможность Цицерону, съ однимъ легиономъ крайне изнуренныхъ солдатъ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, съ успѣхомъ держаться противъ громадной арміи Амбіорикса, и 2) что способствовало Цезарю, подъ Алезією, съ 10 легионами противостоять совокуному удару 80,000 Верцингеторикса и вспомогательной арміи въ 240,000, какъ не полевая укрѣпленія.

всякое закрытіе, защищая войска отъ непріятельскаго огня. усиливая ихъ огнестрѣльное дѣйствіе, представляя преграду непріятелю, приносить на полѣ сраженія существенную пользу. Впрочемъ, этого никто и не отрицаетъ. Въ то время, какъ мнѣнія людей военныхъ раздѣлены насчетъ пользы крѣпостей (по крайней мѣрѣ, значительнаго числа ихъ), всѣ единогласно сознаютъ выгоды, доставляемыя полевыми укрѣпленіями. Тѣмъ еще болѣе страннымъ можетъ показаться ихъ рѣдкое употребленіе въ новѣйшее время.

Оно, однако, вполне объясняется:

1) Отчасти застоємъ въ полевой фортификаціи и въ особенности измѣнившимся характеромъ тактики, вслѣдствіе перенесенія, въ новѣйшее время, поля сраженія на мѣстность разнообразную и несравненно большаго развитія элемента быстроты во всѣхъ отношеніяхъ;

2) Недостаткомъ обученія войскъ къ возведенію полевыхъ укрѣпленій;

3) Недостаткомъ прочной связи, какъ въ теоріи, такъ и на дѣлѣ, между тактикою и фортификаціею,

И наконецъ 4) недостаточнымъ снабженіемъ пѣхоты шанцевымъ инструментомъ.

Разсмотримъ ближе значеніе каждаго изъ приведенныхъ нами доводовъ.

Какъ на одну изъ причинъ рѣдкаго употребленія полевыхъ укрѣпленій въ новѣйшее время, мы указали на застой въ полевой фортификаціи. Въ подтвержденіе нашего мнѣнія, укажемъ на слова одного изъ величайшихъ мыслителей и гениальныхъ полководцевъ нашего вѣка: «Начала полевой фортификаціи—говоритъ Наполеонъ I — должны быть усовершенствованы. Эта столь важная отрасль военнаго искусства, со временъ древнихъ, не только не сдѣлала никакихъ успѣховъ, но даже, въ настоящую минуту, находится на низшей степени, чѣмъ какъ это было за 2,000 лѣтъ тому назадъ. Инженеровъ необходимо поощрять къ усовершенствованію ея, съ тѣмъ, чтобы поставить ее на одну высоту съ прочими отдѣлами ихъ искусства.»

Еще большее вліяніе на рѣдкое употребленіе полевыхъ укрѣпленій обнаружено было измѣнившимся характеромъ новѣйшей тактики (перенесеніе поля сраженія на мѣстность закрытую и пересѣченную, вообще на мѣстность разнообразную и несравненно большее развитіе элемента быстроты во всѣхъ отношеніяхъ).

Конечно, съ той минуты, какъ, вслѣдствіе введенія въ пѣхотѣ колоннъ съ разсыпнымъ строемъ, ей сдѣлались доступны селенія, лѣса и другіе мѣстные предметы, на которые прежде не обращалось вовсе никакого вниманія, когда пѣхота нашла въ нихъ превосходное укрытіе отъ глазъ и выстрѣловъ противника, когда, такъ сказать, каждый кустъ замѣнилъ собою искусственный брустверь, къ полевымъ укрѣпленіямъ, уже по одному этому, начали прибѣгать рѣже, и рѣже чувствовалась надобность въ нихъ, по крайней мѣрѣ въ столь значительномъ числѣ, какъ прежде, когда полемъ сраженія служила равнина.

Да если бы даже и чувствовалась эта надобность, то этой цѣли было уже гораздо труднѣе достигнуть, вслѣдствіе другаго переворота, происшедшаго въ тактикѣ, именно: несравненно большаго противъ прежняго развитія элемента быстроты.

И, дѣйствительно, если мы поставимъ въ параллель линейную тактику съ наполеоновскою, то мы будемъ поражены неповоротливостію и вообще малою способностію къ маневрированію армій въ періодъ Фридриха Великаго сравнительно съ новѣйшими. Успѣхи Фридриха въ Семилѣтнюю войну не могутъ служить опроверженіемъ сказанному. Они доказываютъ только то, что арміи его противниковъ еще менѣе были способны къ маневрированію.

Чтобы убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ, стоитъ только припомнить, что армія въ періодъ линейной тактики представляла собою одно нераздѣльное, а слѣдовательно и неповоротливое цѣлое. Всѣ движенія, какъ въ бою, такъ и внѣ боя, исполнялись крайне медленно. Въ атаку пѣхота ходила со скоростью 75 шаговъ въ одну минуту (почти нашимъ тихимъ шагомъ). Походныя движенія исполнялись въ нѣсколькихъ колоннахъ, обыкновенно на полныхъ дистанціяхъ. Тщательное сохраненіе интерваловъ и дистанцій было непремѣннымъ условіемъ, безъ котораго построеніе въ боевой порядокъ не только замедлялось бы, но даже едва ли сдѣлалось бы возможнымъ. Послѣ этого легко можно судить, съ какою быстротою подобныя движенія могли быть исполняемы.

Эта именно медленность всѣхъ движеній и малая способность къ маневрированію армій и была причиною, что непріятелю оставалось обыкновенно весьма много времени на заблаговременный выборъ позиціи и укрѣпленіе ея.

При Наполеонѣ все измѣнилось. Войска, какъ на полѣ сраженія, такъ и внѣ его, пріобрѣли несравненно большую подвижность (уменьшеніе обозовъ, введеніе колоннъ, скорого шага... армія не представляетъ уже, какъ прежде, одного неповоротливаго цѣлага, а раздѣляется на самостоятельныя и подвижныя единицы, какъ-то: корпуса, дивизіи, бригады, полки и баталіоны). такъ что, по нынѣшнему образу веденія войны, болѣе основанному на быстрыхъ движеніяхъ, чѣмъ на оборонѣ заблаговременно выбранныхъ и укрѣпленныхъ позицій, рѣдко встрѣчается достаточно времени для усиленія позицій укрѣпленіями. Слѣдовательно, не бесполезностью полевыхъ укрѣпленій объясняется рѣдкое употребленіе ихъ въ послѣднихъ войнахъ, а преимущественно недостаткомъ времени къ возведенію ихъ.

Нынѣшній образъ веденія войны, оставляя намъ весьма мало времени на возведеніе полевыхъ укрѣпленій, заставляетъ, такимъ образомъ, придать особенно важное значеніе *скорости ихъ постройки*, условію, которое можетъ быть достигнуто только навыкомъ войскъ къ подобнаго рода работамъ и, притомъ, достаточно снабженіемъ ихъ шанцевымъ инструментомъ.

«Нельзя достаточно удивляться—говорить Рокканкуръ—той неимоверной точности, съ которою Римляне обыкновенно возводили укрѣпленія. Даже во время мира, подъ стѣнами самаго Рима, армія должна была укрѣплять свой лагерь. Она до такой степени была пріучена къ землянымъ работамъ (*à remuer la terre*), что ей достаточно было нѣсколькихъ часовъ, чтобы быть внѣ всякой опасности отъ внезапнаго нападенія. Благодаря этому дивному обыкновенію, главнокомандующій пріобрѣталъ возможность вступать въ бой съ непріателемъ только при благоприятныхъ обстоятельствахъ, больные и раненые находили вѣрное убѣжище, и отступленіе никогда не обращалось въ бѣгство. Трудно рѣшить, чему слѣдуетъ скорѣе приписать причину успѣховъ Римлянъ — ихъ храбрости и дисциплинѣ или ихъ мудрой предосторожности обезпечивать себя постоянно укрѣпленіями?»

Только этимъ навыкомъ къ подобнаго рода работамъ войскъ и можетъ быть объяснена та неимоверная почти скорость, съ которою римскіе легіоны обыкновенно возводили укрѣпленія. По словамъ того же писателя (I, 74), «новѣйшія арміи въ 24 часа едва въ состояніи были бы окончить тѣ работы, которыя римскими легіонами исполняемы были въ 12».

Заботливость Римлянъ относительно возведенія укрѣпленій, при каждомъ удобномъ случаѣ, выразилась не только въ приученіи войскъ къ землянымъ работамъ, но и въ самомъ снаряженіи пѣхоты. Такимъ образомъ, каждый легіонеръ, сверхъ вооруженія и пятнадцатидневнаго запаса продовольствія (тамъ же, 76), былъ снабженъ палисадиною. По свидѣтельству Тита Ливія, палисадины эти имѣли около 7' длины и 3" въ діаметрѣ.

Такимъ образомъ, приученіе всей пѣхоты къ быстрому возведенію полевыхъ укрѣпленій является, въ настоящую минуту, мѣрою первостепенной важности, мѣрою такого рода, которою больше пренебрегать нельзя, если мы не хотимъ совершенно отказаться отъ употребленія полевыхъ укрѣпленій на полѣ сраженія.

По словамъ генерала Дашенберга («Русск. Инвалидъ» 1858 г., № 100), «приученіе солдата къ быстрому возведенію полевыхъ укрѣпленій, подъ непосредственнымъ руководствомъ своихъ начальниковъ, есть вѣрный залогъ ихъ самостоятельности и надежнаго обезпеченія отъ всѣхъ случайныхъ опасностей, столь частыхъ на театрѣ войны».

Мысль эта, впрочемъ, не нова. Еще Петръ Великій и Вобанъ обращали особенное вниманіе на распространеніе свѣдѣній по инженерной части между унтеръ-офицерами и офицерами строевыхъ войскъ. (Указъ 1713 г., дабы прибывающіе въ зимнее время въ Петербургъ Преображенскаго полка офицеры и унтеръ-офицеры не проводили времени своего въ гульбѣ и праздности, а обучались инженерству. Въ 1721 г. этотъ указъ распространень и на другія войска.)

Петръ до того увлекался этою гениальною мыслью, что, для производства унтеръ-офицеровъ въ офицеры и для повышенія офицеровъ въ слѣдующіе чины, непремѣннымъ условіемъ полагалъ знаніе инженернаго дѣла. Такимъ образомъ, въ одномъ изъ указовъ 1721 г. между прочимъ изображено: «зело нужно, дабы офицеры знали инженерству, того ради офицерамъ и унтеръ-офицерамъ оному обучатца, а егда кто не будетъ знать, то выше чинами производитца не будетъ» (*).

Трудно рѣшить почему эти наставленія великаго царя оставлены были въ теченіе 150 лѣтъ безъ вниманія. Пора серьезно подумать о приведеніи этой мысли въ исполненіе. Пора перестать

(*) Извлечено изъ статьи военнаго инженеръ-полковника Болдырева, помѣщенной въ «Русск. Инвалидъ» № 100-й 1858 г.

ей быть мертвою буквою и перейти въ жизнь, тѣмъ болѣе, что Французы и Нѣмцы уже обратили на этотъ предметъ особенное вниманіе. Такимъ образомъ, въ 1855 г., въ Пруссіи съ подобною цѣлью издано сочиненіе генерала Фрома: *Handbuch des Ingenieurdienstes*; во Франціи, въ 1848 г., вышло сочиненіе: *Stienon Eléments de fortification passagère à l'usage des officiers et des sous-officiers*, а въ 1851 году г. Нёшезъ (Neuchèze) издалъ *Traité de fortification passagère à l'usage des officiers et des sous-officiers* (*).

Итакъ, приученіе строевыхъ войскъ къ быстрому возведенію полевыхъ укрѣпленій и требованіе, чтобы каждый пѣхотный офицеръ былъ знакомъ съ главными основаніями полевой фортификаціи, на столько, на сколько онъ знакомъ съ правилами строеваго устава — вотъ на чтò должно быть теперь обращено особенное вниманіе.

Выполненіе послѣдняго условія, между прочимъ, необходимо для того, чтобы каждый баталіонный или ротный командиръ, когда будетъ ему указано мѣсто, которое онъ долженъ будетъ занять на позиціи, напримѣръ: извѣстный участокъ селенія, отдѣльное строеніе, могъ бы самъ сдѣлать должныя распоряженія къ приведенію въ оборонительное положеніе занятаго имъ пункта или участка, безъ указанія и содѣйствія инженернаго офицера, который (полагая по одному на дивизию) не можетъ поспѣть вездѣ (а время дорого) и, притомъ, онъ можетъ быть занятъ болѣе важными общими соображеніями, такъ что частности (гдѣ выкопать ровикъ или прорѣзать бойницу) должны невольно отъ него ускользнуть.

Сознавая важность обученія пѣхоты возведенію полевыхъ укрѣпленій, мы вмѣстѣ съ г. Краевскимъ считаемъ необходимымъ назначить въ составъ дивизионнаго штаба инженернаго офицера для руководства въ занятіяхъ по инженерной части.

Не вполне раздѣляемъ мы только мнѣнія г. Краевскаго насчетъ назначенія въ составъ дивизионнаго штаба непременно штабъ-офицера инженернаго, съ подчиненіемъ ему и продовольствія войскъ. Намъ кажется, рѣшительно все равно, будетъ ли, для этой цѣли, назначенъ штабъ, или оберъ-офицеръ, но при непремѣнномъ условіи, чтобы онъ былъ подчиненъ начальнику штаба дивизіи, а не являлся бы въ видѣ самостоятельнаго лица, какъ того желаетъ, повидимому, г. Краевскій. Раздѣленіе власти

(*) Оттуда же.

нигдѣ допущено быть не можетъ: оно противорѣчить кореннымъ основаніямъ дисциплины.

Что же касается до *необходимости увеличить въ настоящее время число шанцеваго инструмента въ пѣхотѣ*, то вопросъ этотъ, по особенной важности, требуетъ обстоятельнаго разбора.

Многіе изъ военныхъ писателей, при разборѣ вопроса объ укрѣпленій позицій, упоминаютъ о возможности найти въ достаточномъ количествѣ шанцевый инструментъ на мѣстѣ, у окрестныхъ жителей. Замѣтимъ, что хотя бы это было возможно, то сколько времени потребовалось бы на сборъ инструмента, тогда какъ на укрѣпленіе позиціи рѣдко остается болѣе 12 часовъ. Это одно уже заставляетъ утвердительно сказать, что на подобную возможность никогда нельзя рассчитывать и что шанцевый инструментъ непременно долженъ находиться при войскахъ.

Прійдя къ этому заключенію, намъ остается заняться еще разборомъ слѣдующихъ вопросовъ: 1) достаточно ли нынѣ находящагося при войскахъ шанцеваго инструмента? 2) нельзя ли, для облегченія пѣхоты, снять его съ плечъ солдата и возить за войсками? 3) какія мѣры слѣдуетъ принять для предотвращенія столь часто случающейся нынѣ утраты его?

У насъ, въ настоящее время, полагается 40 штукъ шанцеваго инструмента на роту. Считая по 160 челов. въ ротѣ, выходитъ, что $\frac{1}{4}$ часть нашей линейной пѣхоты имѣетъ шанцевый инструментъ. Число это недостаточно. Необходимо, чтобы, по крайней мѣрѣ, $\frac{1}{2}$ пѣхоты была имъ снабжена. Всей пѣхоты обременять шанцевымъ инструментомъ также не слѣдуетъ, потому что вся пѣхота никогда одновременно не можетъ быть призвана къ возведенію укрѣпленій. Рассчитывая, что выгоднѣе всего было бы допустить раздѣленіе ея на двѣ смѣны, оказывается вполне достаточнымъ, если половина пѣхоты будетъ имѣть шанцевый инструментъ, который можетъ быть носимъ людьми поочередно.

Нѣкоторые возстаютъ противъ этого поочереднаго ношенія людьми шанцеваго инструмента и предлагаютъ ввести полуфурки для перевозки его. Они отчасти правы, — во первыхъ, потому, что, при нынѣ принятомъ способѣ очередованія, инструментъ легко утрачивается въ походѣ, и, во вторыхъ, потому, что пѣхотный солдатъ и безъ того весьма сильно обремененъ. Давно уже люди военные стремятся къ облегченію этой тяжелой ноши,

Цѣль, которую они чрезъ это предполагають достигнуть, есть, конечно, увеличеніе быстроты движенія. Доказано опытомъ, что пѣхота, когда ранцы ея будутъ везены на подводахъ, можетъ сдѣлать вдвое большій противъ обыкновеннаго переходъ (въ 50 верстъ и при этомъ нисколько не будетъ болѣе утомлена, какъ если бы она сдѣлала переходъ въ 25 верстъ, въ полномъ вооруженіи и снаряженіи). Несмотря на всѣ выгоды, которыя отъ этого могли бы произойти въ отношеніи увеличенія способности войскъ къ болѣе быстрымъ движеніямъ, онѣ далеко не вознаградили бы тѣхъ невыгодъ, которыя были бы съ этимъ сопряжены для солдата. Вотъ почему этотъ вопросъ относительно облегченія ноши солдата считается неразрѣшимымъ. Мало того: обстоятельства вынуждаютъ теперь увеличить эту ношу введеніемъ въ пѣхотѣ новаго предмета снаряженія, именно: бивачнаго мѣшка и увеличеніемъ числа шанцеваго инструмента.

Такимъ образомъ, все клонится теперь къ еще большему обремененію солдата. Остается принять мѣры къ избѣжанію этого зла. На этомъ основаніи предложеніе ввести въ войскахъ особыя полуфурки, для перевозки шанцеваго инструмента, по примѣру прусской арміи, съ перваго взгляда, конечно, заслуживаетъ полнаго вниманія. По ближайшемъ же разсмотрѣніи вопроса, оно оказывается неудобноисполнимымъ.

Имѣя въ виду, что хотя повозки и достигаютъ этой цѣли, но что, съ другой стороны, прибавленіе повозокъ есть уже страшное зло, которое можетъ быть допущено только въ крайности, когда нѣтъ другихъ средствъ, мы полагаемъ эту мѣру непримѣнимою еще и по слѣдующей причинѣ:

Въ корпусѣ полагается обозъ трехъ разрядовъ:

Къ 1 разряду принадлежитъ	90	повозокъ.
— 2 — — —	650	—
— 3 — — —	560	—

Полагая по одной только повозкѣ на роту для перевозки шанцеваго инструмента (не распространяя этой мѣры на стрѣльцовыя части), окажется, что число повозокъ въ корпусѣ увеличится на 144 повозки. Замѣтить при томъ слѣдуетъ, что это увеличеніе числа повозокъ касается исключительно обоза 1 разряда, въ которомъ до сихъ поръ всего было 90.

Вотъ почему мы вправѣ считать эту мѣру неудобною и полагаемъ болѣе выгоднымъ оставить шанцевый инструментъ на плечахъ солдата, измѣнивъ только нынѣ принятую очередь для носки его, именно: очередь эту соблюдать не между отдѣльными людьми, гдѣ контроль не возможенъ, а между взводами или другими частями (полувзводами, четными и нечетными отдѣлениями), гдѣ контроль, напротивъ того, весьма легокъ.

Все сказанное о пѣхотѣ могло бы быть прямо отнесено и къ драгунамъ. Снабженіе ихъ шанцевымъ инструментомъ и пріученіе къ быстрому и самостоятельному возведенію полевыхъ укрѣпленій принесло бы существенную пользу. Не мѣшало бы въ этомъ случаѣ принять за образецъ драгуновъ Тюренния, имѣвшихъ подобное назначеніе (*).

Одно только можетъ остановить приведеніе этой мѣры въ исполненіе. Всѣ сознаютъ обременительность ихъ вооруженія и трудность образованія ихъ, согласно ихъ двойному назначенію. Стоитъ только присоединить къ нимъ еще третье, и тогда очень легко можетъ быть, что, вмѣсто самостоятельнаго, всесторонняго войска, они обратятся въ самое неудовлетворительное. Требовать всего не значитъ ли не достигнуть ровно ничего?

Въ числѣ причинъ рѣдкаго употребленія полевыхъ укрѣпленій въ настоящее время, мы, между прочимъ, упомянули о *недостаткѣ прочной связи, какъ въ теоріи, такъ и на дѣлѣ, между тактикою и фортификаціею*. Разовьемъ нашу мысль.

Несмотря на то, что между этими науками должно было бы существовать самое тѣсное сродство, ни въ теоріи, ни въ практикѣ мы его не видимъ.

И, дѣйствительно, инженеръ и строевой офицеръ являются въ нашихъ понятіяхъ какъ личности не сливающіяся. Они чуждаются другъ друга. Одинъ, погруженный въ изученіе мельчайшихъ подробностей фортификаціи, смотритъ на войска, для которыхъ именно онъ долженъ строить укрѣпленіе, какъ на дѣло для него совершенно постороннее, и не считаетъ нужнымъ ознакомиться ни съ свойствами и природою каждаго оружія, ни съ механизмомъ боя, а о тактикѣ знаетъ только, что она существуетъ. То же явленіе грустное видимъ мы и въ строевомъ офицерѣ (съ рѣдкимъ исключеніемъ). Онъ хотя и изучалъ полевую

(*) Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что драгуны Тюренния были исключительно пѣхотою, временно посаженною на лошадей.

фортификацію, но запасъ приобретенныхъ имъ свѣдѣній постепенно уменьшается, знанія его гложутъ отъ недостатка примѣненія. Если къ этому прибавить, что большая часть строевыхъ офицеровъ вовсе не знаетъ фортификаціи, то нѣтъ ничего удивительнаго, что строевой офицеръ смотритъ на укрѣпленіе, какъ на какой-то фокусъ, на волшебство, доступное только специалисту-инженеру.

Слѣдствіемъ этого бываетъ обыкновенно то, что инженеръ, незнакомый съ основными началами тактики и обязанный, напримеръ, при укрѣпленіи позиціи, примѣнить расположеніе укрѣпленій къ расположенію войскъ, впадаетъ въ непростительныя ошибки и строитъ укрѣпленія тыломъ къ непріятелю (Бородино—три флеша на правомъ флангѣ и одна на Семеновскихъ высотахъ); а пѣхотный офицеръ не только не будетъ въ состояніи построить укрѣпленіе, но даже, какъ это случилось на нашихъ глазахъ, не сумѣетъ занять его.

Вся вина въ этомъ столь грустномъ явленіи падаетъ отчасти на теорію и отчасти на довольно странный, въ настоящую минуту, конечно, вполне устарѣлый, взглядъ, что инженеру не нужно знать тактики, а строевому офицеру — фортификаціи.

Мы обвиняемъ теорію военнаго дѣла, и она вполне заслуживаетъ этотъ упрекъ. Откройте любое сочиненіе по тактикѣ и фортификаціи, ученое или учебное руководство, и вы будете поражены, что тѣ вопросы, въ которыхъ обѣ эти науки тѣсно соединяются, или вовсе не разбираются, или уже черезчуръ поверхностно, почти вскользь. Тактикѣ сваливаетъ на инженера, который, въ свою очередь, говоритъ, что это не его дѣло, и посылаетъ васъ къ тактику. Такимъ образомъ, Грисхеймъ и de la Vague-Durancq вовсе не упоминаютъ объ этомъ предметѣ; Пенницъ, Деккеръ, Рокканкуръ — едва его касаются.

Такъ что наконецъ мы приходимъ къ тому заключенію, что, при настоящемъ положеніи дѣла, между тактикою и фортификаціею, какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ, существуетъ не тѣсная связь, а разрывъ; не близкое сродство, а чуть ли не вражда.

Мы надѣемся, однако, что минута близка, когда инженеръ и тактикѣ подадутъ другъ другу руку для дружнаго дѣйствія. И тогда мы вправѣ будемъ сказать, что съ того времени, какъ инженеръ постигнетъ необходимость тщательнаго изученія тактики, а каждый пѣхотный офицеръ будетъ знакомъ съ главными основаніями полевой фортификаціи, когда оба они будутъ

на столько самостоятельны, что въ состояніи будутъ обойтись безъ руководителя, когда вся пѣхота будетъ снабжена въ большемъ количествѣ шанцевыхъ инструментовъ и приучена къ быстрому и самостоятельному возведенію укрѣпленій, тогда, несмотря на недостатокъ времени, употребленіе полевыхъ укрѣпленій въ будущихъ сраженіяхъ должно встрѣтиться чаще, чѣмъ въ періодѣ наполеоновскихъ войнъ.

Искусство укрѣпленія позицій состоитъ въ томъ, чтобы, пользуясь всѣми мѣстными препятствіями, увеличить силу ихъ сопротивленія и подготовить, такимъ образомъ, мѣстность къ выгоднѣйшему дѣйствію войскъ.

Укрѣпленія могутъ быть раздѣлены: 1) на собственно полевья укрѣпленія, служащія не только для прикрытія войскъ, но и способныя къ противостоянію эскаладѣ, и 2) на *поспѣшныя*. Сюда относится: а) маскирующія постройки и б) препятствія для движенія непріятеля.

Они могутъ быть располагаемы: 1) на самой позиціи, 2) впереди ея (Шевардинскій редутъ — передовыя позиціи) и 3) въ тылу (на случай отступленія).

Главныя условія, которымъ они должны удовлетворять, заключаются въ томъ, чтобы они не стѣсняли движеній войскъ, прикрывали ихъ выгоднѣйшимъ образомъ и обстрѣливали сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, какъ впереди лежащую, такъ и промежуточную мѣстность.

По краткости времени, для возведенія укрѣпленій, теперь придется ограничиться лишь самымъ простымъ видомъ ихъ, большею частію такими, которыя будутъ имѣть предпочтительнымъ назначеніемъ прикрытіе войскъ отъ непріятельскаго огня, а не противодѣйствіе эскаладѣ, т. е. маскирующими постройками, имѣющими профиль траншеи. Сюда относятся ложементы для стрѣлковъ и ихъ ближайшихъ резервовъ и ложементы для артиллеріи.

Имѣя въ виду, что, въ настоящее время, поле сраженія перенесется преимущественно на мѣстность разнохарактерную (съ одной стороны, подъ вліяніемъ нарѣзнаго оружія, а съ другой — вслѣдствіе повсемѣстнаго распространенія культуры и умноженія народонаселенія, въ особенности въ Западной Европѣ, отчего мѣстность сама собою обращается въ закрытую и пересѣченную), гдѣ попеременно встрѣчаются разнаго рода предметы,

какъ-то: селенія, лѣса, высоты (*), задача относительно укрѣпленія позицій теперь будетъ преимущественно заключаться въ приведеніи этихъ предметовъ въ оборонительное положеніе, въ увеличеніи силы ихъ сопротивленія, по указаніямъ полевой фортификаціи. (Въ лѣсу устроить засѣки, въ селеніи и отдѣльныхъ строеніяхъ загородить входы, прорѣзать бойницы въ наружныхъ домахъ и въ находящихся на тѣхъ улицахъ, по которымъ долженъ слѣдовать непріятель, устроить удобныя внутреннія сообщенія, усилить защиту редута, уничтожить переправы, заградить къ нимъ доступы, завалы и перекопы; небольшіе ручьи могутъ быть сдѣланы непроходимыми посредствомъ наводненія.)

Промежутки между этими мѣстными предметами могутъ быть заняты вышеупомянутыми маскирующими постройками.

Имѣя, такимъ образомъ, въ виду, что, по свойству новаго оружія и будущихъ полей сраженій, весь вопросъ относительно укрѣпленія позицій будетъ заключаться въ приведеніи въ оборонительное положеніе разнаго рода мѣстныхъ предметовъ, которые встрѣтятся на позиціи, и въ возведеніи въ промежуткахъ между ними маскирующихъ построекъ, весьма страннымъ можетъ показаться (какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ) довольно устарѣлый взглядъ на этотъ предметъ нѣкоторыхъ теоретиковъ, пользующихся авторитетомъ въ военной литературѣ, какъ, напримеръ, Ронья, Рокканкура и др. Утвердительно можемъ сказать, что, при *нынешнемъ состояніи тактики, предложенныя ими системы полевыхъ укрѣпленій для защиты позицій (а тѣмъ болѣе Иппе, Венцеля...)* представляютъ собою обветшалыя формы, вовсе не примѣнимыя не только теперь, но даже и въ періодъ наполеоновской тактики.

Къ подобному заключенію насъ приводятъ слѣдующіе доводы:

1) Несмотря на то, что всѣ военные прямо возстаютъ противъ непрерывныхъ цѣпныхъ линій (сложность работы, пассивность обороны, отсутствіе заранѣе опредѣленныхъ пунктовъ для атаки, отсюда затруднительность обороны, неизвѣстно,

(*) Мѣстные предметы, занятые войсками, сами по себѣ, не будучи даже приведены въ оборонительное положеніе, имѣютъ необыкновенную силу. Ольховая роща подъ Гроховымъ, Аспернъ и Есслингень (1809 г.) не были укрѣплены, а между тѣмъ, дали возможность 20 т., въ теченіе цѣлаго дня, удерживать наступленіе 70 т. эрцъ-герцога Карла и тѣмъ спасли французскую армію отъ вѣрной гибели.

къ какому пункту слѣдуетъ стянуть резервы, достаточно прорвать только въ одномъ пунктѣ), системы, предложенныя Иппе, Венцелемъ, Ронья, Рокканкуромъ и др., по ближайшему разсмотрѣнію, оказываются почти тѣмъ же непрерывными линіями. И, дѣйствительно, что значать выходы въ 5 тоазовъ или въ 10 метровъ?

Въ этомъ отношеніи устарѣлый взглядъ вообще всѣхъ западныхъ инженеровъ, впрочемъ, легко можетъ быть объясненъ: а) конецъ прошедшаго и начало нынѣшняго столѣтій мало представили случаевъ къ практическому примѣненію началъ полевой фортификаціи. Слѣдовательно, Ронья и Рокканкуръ писали подъ вліяніемъ теоретиковъ прошедшаго столѣтія, которые, несмотря на успѣшное употребленіе интервальной цѣпной линіи маршаломъ Саксонскимъ при Фонтеноа, не могли вполне оторваться отъ прежней, усвоенной ими формы, и б) тѣмъ, что переворотъ въ полевой фортификаціи и въ тактикѣ произведенъ былъ не на Западѣ, а у насъ, Петромъ Великимъ (*).

Замѣтимъ при этомъ случаѣ, что насъ совершенно несправедливо считаютъ слѣпыми подражателями Запада. Эта мысль была въ первый разъ высказана на Западѣ, и мы ей напрасно повѣрили. Стоитъ только примѣнить образъ веденія войны Петра, составляющей средину между слишкомъ вялыми и нерѣшительными дѣйствіями западныхъ полководцевъ конца XVII и начала XVIII столѣтій и слишкомъ уже рѣшительными дѣйствіями Карла XII, образъ веденія войны, ближе всего подходящий къ нынѣшнему (такимъ образомъ, этому гениальному человѣку удалось опередить современниковъ на 100 лѣтъ), введеніе имъ интервальной цѣпной линіи, первое учрежденіе конной артиллеріи (**), усовершенствованія, сдѣланныя въ устройствѣ артиллеріи и кавалеріи вообще, даютъ право смѣло сказать, что мы, Русскіе, при Петрѣ, гораздо вѣрнѣе понимали военное дѣло, чѣмъ лучшіе западные генералы.

(*) Впрочемъ, система отдѣльныхъ укрѣпленій (редуты и впереди засѣки) употреблялась еще и до Петра, Тюренномъ, но только не на полѣ сраженія, а для обезпеченія лагернаго расположенія.

(**) При каждомъ драгунскомъ полку находилось по одной полупудовой гаубицѣ, прислуга которыхъ имѣла верховыхъ лошадей. (Карцовъ «Военно-историческій обзоръ Сѣверной войны», 1851, стр. 75.)

И 2) предложенія Ронья, Рокканкура, вообще западныхъ инженеровъ касаются укрѣпленія мѣстности совершенно открытой и ровной.

Снова устарѣлый взглядъ. Они, вѣрно, забыли, что бой на подобнаго рода мѣстности происходилъ въ періодъ линейной тактики и ему предшествовавшій и что уже при Наполеонѣ, со введеніемъ колоннъ съ разсыпнымъ строемъ, поле сраженія перешло на мѣстность разнообразную. Они упустили изъ вида, что селенія, лѣса, вообще мѣстные предметы, которыхъ тщательно избѣгали занимать при Фридрихѣ, сдѣлались въ бою, при Наполеонѣ, главнымъ предметомъ всѣхъ усилій той и другой стороны, такъ сказать, точками вращенія повѣдшихъ сраженій. Вотъ почему системы ихъ мы назвали обветшалыми формами, вовсе непримѣнными даже въ періодъ наполеоновской тактики.

Что же скажемъ мы послѣ этого о значеніи этихъ системъ въ настоящее время, при нынѣшнемъ переворотѣ, произведенномъ въ тактикѣ нарѣзнымъ оружіемъ?

Спрашивается: когда теперь придется вести бой на мѣстности открытой и ровной? Если не никогда, то, по крайней мѣрѣ, весьма рѣдко; развѣ только при случайныхъ столкновеніяхъ съ неприятелемъ или же когда театромъ военныхъ дѣйствій сдѣлаются обширныя равнины—степи (случай исключительный и едва ли возможный: никто въ пустышѣ не осмѣлится вести войны). А въ случайныхъ сраженіяхъ не можетъ быть и рѣчи объ употребленіи укрѣпленій, потому что обѣимъ сторонамъ едва останется достаточно времени для того, чтобы осмотрѣться.

Слѣдовательно, мы окончательно приходимъ къ тому заключенію, что объ укрѣпленіи позицій на мѣстности совершенно открытой и ровной теперь и рѣчи быть не можетъ.

Можетъ быть, послѣдній упрекъ, который мы дѣлаемъ систематикамъ: Ронья, Рокканкура и другимъ, покажется нѣкоторымъ слишкомъ строгимъ и даже несправедливымъ. Дѣйствительно, нельзя предполагать, чтобы Ронья и др. не знали о перенесеніи, въ наполеоновскій періодъ, поля сраженія на мѣстность разнообразную, такъ что на предложенныя ими системы слѣдуетъ смотрѣть не иначе, какъ на нашъ пормальный боевой порядокъ, какъ на одну лишь форму, отъ которой не только можно, но даже и должно отступить. Наконецъ, можетъ быть, они сочли необходимымъ, для лучшаго объясненія своихъ идей,

выразить ихъ чисто теоретически системою укрѣпленій, примѣненныхъ къ мѣстности ровной. Оно, конечно такъ и есть.

Но замѣтимъ, что съ подобною цѣлью не къ чему было создавать системъ. Идеи ихъ и безъ того ясны. Такимъ образомъ, главная идея Ронья, заключающаяся въ отдѣльномъ расположеніи артиллеріи отъ пѣхоты, весьма понятна. (Идея эта, впрочемъ, не его: она заимствована имъ изъ тактики.) Сознавая себя открытымъ врагомъ всѣхъ системъ и механическихъ формъ въ военномъ дѣлѣ, въ дѣлѣ быстрого соображеніи и вѣрнаго взгляда, мы были, можетъ быть, слишкомъ строги къ систематикамъ. Напомнимъ, однако, при этомъ теоретикамъ, что пора уже понять, что главная цѣль наша должна заключаться не въ созданіи системъ, ни къ чему не ведущихъ и только сбивающихъ съ толку легковѣрныхъ людей, а въ тщательномъ изслѣдованіи основныхъ элементовъ нашего искусства.

Нельзя смотрѣть равнодушно на стремленіе новѣйшей тактики, со дня на день все рѣзче и рѣзче обозначающееся, выйдти изъ области механическихъ формъ и туманныхъ теорій и принять именно тотъ практической характеръ, который ей исключительно можетъ быть свойственъ. Вся цѣль теоретическаго изученія военнаго дѣла заключается въ тщательномъ ознакомленіи съ основными элементами искусства и въ развитіи, вслѣдствіе того, въ насъ вѣрнаго взгляда на вещи въ той сферѣ, въ которой, согласно спеціальному нашему назначенію, намъ придется дѣйствовать. Сочувствуя вполне успѣхамъ новѣйшей тактики, да позволено будетъ намъ, въ заключеніе нашего длиннаго отступленія, высказать еще одно желаніе: это именно, чтобы она, по возможности, скорѣе вышла изъ области шарлатанства и беллетристики и менѣе увлекалась бы блестящимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно бесполезнымъ изложеніемъ общихъ мѣстъ, а болѣе вдавалась бы, хотя въ нѣсколько сухой и повидимому мало занимательный, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма важный анализъ подробностей. Вотъ что единственно приводитъ къ истинно полезнымъ результатамъ.

Назвавъ устарѣлыми системы Ронья, Рокканкура и др. и взгляды ихъ на этотъ предметъ, что же послѣ этого остается намъ сказать о предложеніи г. Краевскаго, писавшаго уже подъ вліяніемъ начинающагося переворота въ военномъ дѣлѣ, вслѣдствіе повсемѣстнаго введенія нарѣзнаго оружія? Предложеніе системы укрѣпленій, примѣненныхъ къ нормальному боевому

порядку пѣхоты, по нашему мнѣнію, не имѣетъ, конечно, боеваго значенія, потому что нормальный боевой порядокъ пѣхоты есть скорѣе основной порядокъ для расчета, чѣмъ дѣйствительно боевой. Онъ представляетъ собою превосходное средство, облегчающее командованіе и значительно ускоряющее построение войскъ для боя; но въ немъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ оно предложено уставомъ, пѣхотѣ никогда почти не придется вести боя, развѣ на мѣстности открытой и ровной; а бой на подобнаго рода мѣстности мы допускаемъ только при случайныхъ столкновеніяхъ, когда не будетъ времени и думать объ укрѣпленіяхъ.

Не имѣя боеваго назначенія, предложеніе г. Краевскаго имѣетъ, однако, другое весьма важное значеніе — собственно въ отношеніи обученія пѣхоты къ быстрому и самостоятельному возведенію укрѣпленій.

Предложеніе г. Краевскаго заслуживаетъ еще вниманія и потому, что имъ первымъ официально, по крайней мѣрѣ, сколько намъ извѣстно, у насъ былъ сдѣланъ шагъ (удачный или нѣтъ, пусть рѣшаетъ инженерная техника) къ тому, чтобы смыть съ полевой фортификаціи тотъ упрекъ, который ей былъ сдѣланъ Наполеономъ.

И, дѣйствительно, какъ слѣдуетъ понимать упрекъ, сдѣланный Наполеономъ полевой фортификаціи относительно застоя? Несмотря на неимовѣрное развитіе элемента быстроты въ тактикѣ, полевая фортификація оставалась при прежнихъ началахъ, т. е. при прежнихъ сложныхъ постройкахъ, выполненіе которыхъ было возможно въ періодъ существованія неповоротливыхъ и мало подвижныхъ армій. Вотъ въ чемъ она отстала отъ тактики, и вотъ почему тактика такъ часто пренебрегала въ послѣднее время ея помощью.

Чтобы стать въ уровень съ тактикою и сдѣлаться ея вѣрною спутницею и помощницею, полевой фортификаціи необходимо начертать начала и опредѣлить родъ и характеръ укрѣпленій болѣе простыхъ и отличающихся въ особенности скоростью своей постройки, вообще поспѣшныхъ укрѣпленій — задача, до сихъ поръ ею пока не разрѣшенная.

Отдавая, такимъ образомъ, съ одной стороны г. Краевскому полную справедливость, мы вовсе не думаемъ освобождать его отъ упрека, сдѣланнаго нами систематикамъ, и напомнимъ ему, что, вмѣсто предлагаемой имъ системы укрѣпленій, ему слѣдовало

бы обратить преимущественное вниманіе на болѣе тщательное обследованіе основныхъ элементовъ предлагаемыхъ имъ поспѣшныхъ (позиціонныхъ) укрѣпленій; а сочетать ихъ въ системы, есть, повторяемъ снова, дѣло совершенно лишнее.

Итакъ, окончательное наше заключеніе будетъ состоять въ томъ, что вопросъ относительно укрѣпленія позицій будетъ въ настоящее время заключаться, болшею частью, въ приведеніи въ оборонительное положеніе разнаго рода мѣстныхъ предметовъ, которые встрѣтятся на позиціи, и въ возведеніи на мѣстахъ открытыхъ маскирующихъ построекъ.

Болшею частью, говоримъ мы; но нѣтъ правила безъ исключеній,—и въ военномъ дѣлѣ, слѣдовательно, болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Такимъ образомъ, можетъ встрѣтиться случай, подобно тому, какъ это было при Бородинѣ, что важнѣйшій пунктъ поля сраженія, какъ въ тактическомъ, такъ и въ стратегическомъ отношеніи, будетъ совершенно открытъ. Конечно, въ этомъ случаѣ нельзя уже довольствоваться приведеніемъ въ оборонительное положеніе мѣстныхъ предметовъ, которыхъ нѣтъ, или маскирующими постройками, возводимыми единственно съ цѣлью укрытія войскъ, но безсильныхъ противъ эскалады. Здѣсь важность пункта указываетъ на необходимость возведенія укрѣпленій болѣе самостоятельныхъ.

Не вдаваясь въ болѣе подробное изслѣдованіе этого случая усиленія позицій укрѣпленіями, принадлежащаго къ области фортификаціи, мы скажемъ только нѣсколько словъ о выгоднѣйшемъ начертаніи подобнаго рода самостоятельныхъ укрѣпленій и постараемся рѣшить, чисто съ тактической точки зрѣнія, вопросъ о томъ: должны ли быть подобныя укрѣпленія сомкнутыми или открытыми съ горжи? Этотъ вопросъ для насъ особенно интересенъ, потому что рѣшеніе его принадлежитъ не одной фортификаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тактикѣ. При рѣшеніи его, необходимо будетъ взять въ соображеніе нѣкоторыя тактическія начала, именно: расположеніе войскъ и ихъ дѣйствій при оборонѣ укрѣпленій, принятыя въ настоящее время.

Этотъ вопросъ, какъ и всѣ подобныя ему въ области военной науки (какой родъ пальбы выгоднѣе: залпами или рядами, какой родъ войска выгоднѣе придавать въ прикрытіе артиллеріи — пѣхоту или кавалерію) не можетъ быть рѣшенъ безусловно.

Прежде, когда не только при оборонѣ укрѣпленной позиціи, но и вообще при расположеніи войскъ для боя, обращено было все вниманіе на то, чтобы ввести въ боевыя линіи, по возможности, большее число войскъ, не сохраняя почти вовсе резерва, который, въ періодъ линейной тактики, обыкновенно состоялъ изъ нѣсколькихъ эскадроновъ гусаръ и рѣдко изъ самаго ничтожнаго числа пѣхоты, и *когда, съ потерю бруствера, считали дальнѣйшую оборону укрѣпленія болѣе невозможною*, конечно, можно было безусловно сказать, что сомкнутое укрѣпленіе несравненно болѣе было способно къ самостоятельной оборонѣ, чѣмъ укрѣпленіе открытое, которое могло быть обойдено и безъ всякихъ затрудненій атаковано съ тыла.

Теперь же (со времени Наполеона), когда имѣютъ въ виду ограничиться лишь только крайне необходимымъ числомъ войскъ въ боевыхъ линіяхъ и стараются сохранить, по возможности, большую часть въ резервѣ, когда успѣхъ въ бою обыкновенно склоняется на сторону того, кто къ послѣдней рѣшительной минутѣ будетъ располагать болѣе сильнымъ резервомъ, и когда, при оборонѣ укрѣпленій, весь расчетъ на успѣхъ основанъ на своевременномъ введеніи въ бой сильныхъ резервовъ, устремляющихся на непріятеля въ ту минуту, когда онъ, преодолевъ одно препятствіе за другимъ, въ разстройствѣ врывается въ укрѣпленіе, *когда, слѣдовательно, съ потерю бруствера не кончается* (какъ то прежде было), *а развѣ начинается оборона*, рѣшеніе разбираемаго нами вопроса, вслѣдствіе переворота, слѣланнаго въ тактикѣ, должно измѣниться, и открытое укрѣпленіе, въ большей части случаевъ, по нашему мнѣнію, должно быть предпочтено закрытому.

1) По большому удобству поддержанія войскъ, защищающихъ укрѣпленіе, войсками резерва, которыя въ укрѣпленіе, открытое съ горжи, могутъ войти болѣе широкимъ фронтомъ, чѣмъ въ узкіе выходы укрѣпленій сомкнутыхъ—обстоятельство весьма важное при первостепенномъ значеніи вообще резерва въ новѣйшей тактикѣ.

2) Непріятель, занявъ ихъ, не можетъ изъ закрытій поражать позади расположенныхъ войскъ нашихъ.

3) Непріятелю трудно будетъ утвердиться въ открытомъ укрѣпленіи, которое легче можетъ быть взято обратно, чѣмъ сомкнутое. (Раевского батарея.)

И, сверхъ того, 4) укрѣпленіе открытое скорѣе можетъ быть построено, чѣмъ сомкнутое, что весьма важно: теперь время бо-лѣе, чѣмъ дорого.

Нѣкоторые ставятъ въ упрекъ сомкнутому укрѣпленію еще и то, что будто бы войска, защищающія подобное укрѣпленіе, видя невозможность отступленія, чувствуютъ себя какъ бы обреченными на гибель и что подобное обстоятельство должно обнаружить вредное вліяніе въ нравственномъ отношеніи. Этому упреку мы не придаемъ особеннаго важнаго значенія, потому что нерѣдко невозможность отступленія рождаетъ въ войскахъ такое одушевленіе, что горсть держится противъ непріятеля несравненно сильнѣйшаго или пробивается сквозь его ряды. Военная исторія подтверждаетъ это безчисленнымъ множествомъ фактовъ (1805, Баграціонъ при Голлабрюннѣ).

Вотъ доводы, вслѣдствіе которыхъ мы отдаемъ преимущество укрѣпленіямъ открытымъ передъ сомкнутыми.

Въ спорѣ по поводу разбираемаго нами вопроса, многіе, принявъ сторону сомкнутыхъ укрѣпленій, весьма часто, въ упрекъ открытымъ, приводятъ потерю батареи Раевского, съ тылу атакованной кавалеріею. Пусть они вспомнятъ, сколько атакъ было отбито нашими войсками, защищавшими центральный люнетъ, что дивизіи Паскевича и Лихачева были почти уничтожены и что тогда только, когда войска, позади расположенныя, приведены были въ окончательное разстройство, тогда только подобная атака съ тыла сдѣлалась возможною.

Отдавая, такимъ образомъ, въ большей части случаевъ, преимущество открытому укрѣпленію передъ сомкнутымъ, при нынѣшнемъ состояніи тактики, мы далеки отъ того, чтобы во всѣхъ случаяхъ предоставить первенство открытымъ укрѣпленіямъ. Такимъ образомъ, если бы представился вопросъ, какому роду укрѣпленій, сомкнутому или открытому, отдать преимущество, когда намъ предстоитъ малымъ числомъ войскъ самостоятельно оборонять какой либо пунктъ важный, но по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ значительно удаленный отъ нашихъ резервовъ, то мы безъ всякихъ возраженій, въ этомъ единственномъ случаѣ, отдали бы предпочтеніе сомкнутому укрѣпленію передъ открытымъ.

Мы нѣсколько распространились объ этомъ предметѣ, съ перваго взгляда принадлежащемъ къ области фортификаціи, во первыхъ, потому, что одна фортификація разобраннаго нами во-

проса рѣшить не можетъ, а необходимо содѣйствіе тактики, и, во вторыхъ, потому, что вопросъ этотъ въ настоящую минуту оказывается спорнымъ. Такимъ образомъ, одни причину потери Малахова кургана полагаютъ въ существованіи горжи, другіе, напротивъ того, стараются доказать ея важность и необходимость.

Г. ЛЕЕРЪ.

2 іюля 1859 года.
